

Тезисы к докладу: "Причины распада СССР: снижение качества элиты и ошибочность решений"

Несмотря на то, что с момента распада СССР минуло уже 27 лет, это крупнейшее историческое событие пока не стало объектом действительно научного изучения, а в его оценке преобладают эмоциональные мнения, а не объективный анализ. Всё разнообразие подобных точек зрения можно свести к двум крайним тенденциям, которые мы условно назовём либеральным и имперским мифами.

Для первого из них характерно убеждение, что с самого момента своего создания Советский Союз являлся нежизнеспособной структурой, распад которой был лишь вопросом времени. (Как вариант – он не мог существовать без широкомасштабного применения государственного насилия и любая попытка либерализации, например, в виде горбачёвской «перестройки», неминуемо должна была закончиться распадом). Таким образом, в рамках либерального мифа происшедшее в конце 1991г рассматривается как единственно возможный исход советского проекта.

В свою очередь, сторонники имперского мифа (учитывая их доминирующую идейную ориентацию, его также можно назвать «левым») видят в распаде союзного государства проявление исторической случайности, вызванной всецело субъективными факторами. В качестве таковых называют обычно версии о предательстве высших должностных лиц государства (осознанном или же нет) и о перерождении его правящей элиты.

По нашему мнению, к распаду СССР привели конкретные ошибки в принимаемых на государственном уровне управленческих решениях, которые не позволили провести своевременную модернизацию страны, необходимую в силу изменившихся исторических условий её существования. Эти ошибки предопределили те процессы стагнации, которые мы называем «Застоем» и чрезвычайно сузили «коридор возможностей» в условиях, когда пришедшее к власти в 1985г новое руководство взяло курс на проведение решительных реформ. Будучи неготовым к противостоянию с теми социальными силами, которые стали открыто действовать в политическом поле в результате объявленной «демократизации», это руководство перестало реально контролировать происходящие в стране процессы, что в итоге и обернулось декабрём 1991-го.

Какие же именно неправильные решения кремлёвского руководства имели самые тяжёлые и непоправимые последствия? Конечно, их можно перечислять долго, я остановлюсь лишь на двух, наиболее значимых.

Первая из них касается сферы военного строительства. Данная сфера традиционно играет чрезвычайно важную роль в России, которая на протяжении длительного периода развивалась именно как военная держава. Военные же соображения лежали в основе большинства крупных государственных преобразований, происходивших на протяжении Индустриальной эпохи. Достаточно вспомнить, как после неудачных для России войн, проводились крупнейшие реформы, призванные в первую очередь восстановить пошатнувшуюся военную мощь державы. Так, например, было после Крымской войны, когда власть решила на отмену крепостного права; или после Русско-японской, когда был дан старт аграрной реформе. Да и сам приход большевиков к власти также стал следствием невозможности для России продолжения войны.

Поэтому неудивительно, что в ходе последующего государственного строительства в СССР вопросам подготовки к новой войне уделялось приоритетное значение. И в целом можно сказать, что эти усилия оправдали себя: из серьёзнейшего за свою историю военного испытания страна не

только вышла победителем, но и сумела обрести наивысший за ту же историю международный статус одной из двух мировых сверхдержав. Затем почти сразу же началась Холодная война, которая (как бы не определять её причины) также потребовала огромных усилий по развитию вооружений. Однако по мере углубления научно-технической революции в военном деле (развитие ракетно-ядерного оружия и т.п.) становилось всё более понятным, что вероятность повторения сценария мировых войн с их массовыми армиями, мобилизацией промышленности и готовностью ведения интенсивных боевых действий неуклонно уменьшалась. Тем не менее, высокая степень мобилизационной готовности по-прежнему оставалась отличительной чертой советской экономики, хотя её неадекватность реальным военным потребностям становилась всё очевидней. Это проявилось, например, в ходе Афганской войны, где значительная часть техники и снаряжения, находящегося на вооружении Советской Армии, показали своё несоответствие реальным боевым условиям. С одной стороны, это – явление нормальное. Только война может стать тем лекалом, которым проверяется подготовка армии в мирное время (и в этом смысле лозунг «Борьбы за мир» являлся в определённой степени уязвимым). Но в Афганистане выявились и гораздо более крупные, концептуальные просчёты советского военного строительства, целиком ориентированного на подготовку к новой мировой войне. Основные наши соперники – американцы, сумели гораздо раньше сделать верный вывод, что готовиться надо не только к глобальному, но и к региональным конфликтам невысокой интенсивности.

Таким образом, именно мобилизационная готовность, а не (как гласит широко распространённое заблуждение) сверхмилитаризованность экономики стала одним из главных препятствий по повышению её эффективности.

Вторая ошибка была связана с проводимой экономической политикой. Так исторически сложилось, что реальный коммунистический эксперимент привёл не к построению новой, более высокоразвитой формы общества, а стал способом проведения модернизации, альтернативной той, что прошли страны т.н. «первого эшелона», (прежде всего – в Западной Европе и Северной Америке). Причём образцом для большевиков в построении своей государственной модели стали не представления Маркса о будущем коммунистическом обществе, (по понятным причинам они носили самый общий, неконкретный характер), а сложившаяся в период ПМВ в Германии система «госкапитализма». Будучи впоследствии усовершенствованной (во многом усилиями Ю.Ларина, предложившего систему «главков» и «трестов»), она в своих основных чертах просуществовала почти до конца советского периода. Как было сказано выше, её отличала, так сказать, «заточенность» в первую очередь на подготовку к войне. Однако в 50-е годы в советской действительности все более явственными становились черты социального государства. Времена сверхмобилизации уходили в прошлое: снижалась доля принуждения в мотивации к экономической деятельности, жизнь постепенно становилась более приватной, спокойной и зажиточной. Одним из следствий этого стал возросший спрос на качественные потребительские товары, которых теперь всё чаще не хватало: возник пресловутый товарный дефицит, постепенно ставший «бичом» социалистической планируемой экономики. Почти параллельно этому возникла и стала увеличиваться в объёмах «теневая» экономика. Причём советская версия этого явления отличалась от той, что существовала в странах с рыночным хозяйством одной принципиальной особенностью. Обычно «теневая» экономика захватывает такие криминальные сферы, как торговля наркотиками, проституция, и т.д. В СССР же основным направлением её деятельности стала реализация тех самых товаров и услуг, которые сами по себе были признавались легитимными, но в условиях государственной распределительной системы являлись дефицитными. Постоянно разрастаясь, именно советская «теневая» экономика породила слой буржуазии, который, пользуясь политическими послаблениями периода объявленной на самом

верху «перестройки», вступил в борьбу за власть. Таким образом, в полном соответствии с марксистской схемой, советский господствующий класс – номенклатура, породил собственного «могильщика». При этом важно подчеркнуть, что идеология «теневигов» начала широко внедряться в общественное сознание задолго до «перестроечных» времён. Началом этого процесса можно считать эффектную фразу, произнесённую в популярнейшей советской кинокомедии 1968 г «Бриллиантовая рука»: «Чтобы тебе жить на одну зарплату!» В последующие полтора десятилетия данная этика получала всё более широкое распространение, а выражение «уметь жить» стало широко распространённым, как принято сегодня говорить, мемом. С другой стороны, марксизм как учение и методология познания социальной реальности пользовался всё меньшей популярностью и, по сути, целенаправленно «изводился» (зачастую – именно теми, кто призван был его популяризовать).

Таким образом, на определённом этапе развития советского государства со стороны правящего слоя были допущены серьёзные ошибки как в определении основных направлений военного строительства, так и в социально-экономическом развитии. Их происхождение тесно связано с неумением вовремя отследить изменения, происшедшие в стране и в мире, и соответствующим образом скорректировать реализуемую политику.

В чём же заключается причина этих ошибок? Разумеется, они обусловлены целым комплексом причин. Но, если попытаться вычлнить главную, первичную, то, пожалуй, таковая видится в отсутствии своевременной ротации политической элиты, что является обязательным условием успешного развития. В 30-е годы такая ротация производилась в ходе печально знаменитых сталинских «чисток», затем - в результате военных потерь и открытия новых вакансий в ходе расширения территории СССР, а также отправки на пенсию после смещения Хрущёва выдвинутых им руководящих работников. Но после того, как возобладали брежневская линия на «стабильность кадров», начался процесс старения управленцев, которые в силу сугубо медицинских причин оказывались всё менее адекватными, неспособными реагировать на новые вызовы, диктуемые временем. В то же время распространённая во многих странах практика воспроизводства элиты (когда ряды тех, кто принимает решения, пополняются их детьми) по различным причинам была признана в СССР неприемлемой. Итогом этого стало снижение качества этих решений, причём необходимость их принятия, при всей декларируемой монолитности советского общества, диктовалась обострением реально существующих в нём КЛАССОВЫХ противоречий. Поэтому, когда в условиях провозглашённой М.Горбачёвым «перестройки» был взят курс на демократизацию политической сферы, сформировавшийся на протяжении предшествующих 15-20 лет класс буржуазии, сросшийся со «вторым эшелоном» номенклатуры в лице, (условно говоря), генерации вторых секретарей партийных органов, комсомольских функционеров и других амбициозных представителей поколения, желавшего во что бы то ни стало реализовать свои властные амбиции, вступил в открытый бой с действующей властью. Многие конкретные формы этого противостояния ещё ожидают своих исследователей, информация же о них пока малодоступна. Но можно назвать, по крайней мере, одну, которая происходила буквально у всех на виду - идеологическая, в СМИ. Внедрение в сознание людей буржуазных ценностей, фальсификация истории (под видом стирания в ней «белых пятен»), разумеется, имело успех во многом и потому, что к этому моменту идеологическая работа в стране была, по сути, полностью развалена и не обладала никакой эффективностью.

В завершении коснёмся ещё одного вопроса, активно поднимаемого левыми, просоветскими комментаторами. По их мнению, уместно говорить о предательской деятельности высших должностных лиц СССР, которая, якобы, и стала главной причиной распада союзного государства.

На первый взгляд эта версия представляется чересчур абсурдной, чтобы воспринимать её всерьёз. Ведь Генеральный секретарь ЦК КПСС обладал практически неограниченной властью и трудно представить себе ту выгоду, которую мог ему принести распад возглавляемого им государства. Тем не менее, подобное предположение (иногда даже высказываемое в форме полной уверенности) выдвигается как в отношении М.С. Горбачёва, так и (почему-то) Ю.В. Андропова. Примечательно при этом, что К.У. Черненко от подобных обвинений свободен. По-видимому, нахождение на посту главы государства в полностью неработоспособном состоянии выглядит в глазах сторонников версии «измены на самом верху» достаточной гарантией благонадёжности.

Тем не менее, предположение о том, что, начиная с определённого периода в руководстве СССР находились люди, реализовавшие интересы, идущие вразрез с их должностными обязанностями, представляется вполне допустимым. На каком уровне могло это происходить?

В качестве примера сошлёмся на известное «Рыбное дело», в ходе которого союзный министр рыбного хозяйства Ишков, к которому вели нити коррупционных связей, был «выведен» из-под удара, а вся ответственность была возложена на его заместителя Рытова, приговорённого к расстрелу. Существует также большое количество материала о коррупции среди первых лиц союзных республик (главным образом – Средней Азии и Закавказья). Не беря на себя труд проверки и юридической безупречности этих обвинений, сделаем вывод, что такая деятельность с точки зрения её последствий вполне может рассматриваться как разновидность предательства. Впрочем, у руководителей этого уровня имелся и ещё один веский мотив вести «свою игру»: речь идёт о выгодах обретения независимости, и, соответственно – об их превращении в лидеров суверенных государств. Как мы знаем, подобный «кульбит» совершил и один из членов высшего кремлёвского руководства – Э. Шеварнадзе. А, памятуя о Б. Ельцине – не он один. Да и фигура А. Яковлева – руководителя коммунистического агитпропа, мгновенно «перекрасившегося» в антикоммуниста, также даёт основания не отмахнуться с порога измену как реальный, (а не надуманный), фактор процесса распада СССР. Таким образом, версия о «предательстве» заслуживает существенного внимания, (хотя, разумеется, не в столь вульгарном виде, в котором она обычно представляется её адептами).

Таковы основные тезисы предлагаемого доклада, который предполагается представить 28 февраля в более развёрнутом виде.